

Секция 5

НАУКА, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО: НА ПУТЯХ К ОБРЕТЕНИЮ ИСТИНЫ

С. Р. АБРАМОВ,

*заведующий кафедрой английского языка СПбГУП,
кандидат филологических наук, профессор*

САКРАЛЬНОЕ И ПОЭТИЧЕСКОЕ КАК КАТЕГОРИИ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Поскольку «местонахождением смысла» является деятельность, а не текст как таковой, анализ сущности смысла выводит проблему смысла за пределы текста — в интерпретационную деятельность, которая считается традиционной координатой понимания и имеет свои логические формы. Для того чтобы исследовать сакральный текст, необходимо иметь в виду свойство сакрального как некоторой ценности, возникающей в специфическом акте религиозной деятельности. Новым в постановке проблем понимания и сакральности здесь является включение в их изучение коммуникации.

Процесс понимания фиксирован эволюцией сакральных текстов и особенно позднейших их переводов, так как в них смыслообразующая функция человеческой деятельности выражена наиболее четко. В качестве важного момента толкование и перевод предполагают процессы коммуникации — как живого межличностного общения в рамках единого сакрального пространства (конфессии), так и толкования смыслов тех текстов, которые живут в культуре уже отдельно от породивших их традиций.

Проблема сакрального до сих пор не нашла в науке однозначного разрешения. Дюркгейм не сумел дать ему позитивного научного определения, он удовлетворился лишь негативной характеристикой сакрального мира как абсолютно инородного по отношению к миру профанному [1, 53]. В ходе своего анализа Дюркгейм приходит к отождествлению *сакрального* и *социального*, с чем трудно согласиться, так как такое отождествление вынуждает вводить некую гипотезу, и как бы ни было велико значение этого отождествления, оно не обладает ценностью определения, означающего что-то непосредственно. В то же время в нем отразилась тенденция

науки давать *однородную* картину, чтобы уклониться от рассмотрения элементов, явственно присутствующих, но глубоко *инородных*. На наш взгляд, можно допустить, что *сакральное* есть нечто позитивно известное — по крайней мере имплицитно известное. Очевидно, что сакральное можно определить как *инородное*.

Инородный мир шире той области, общей для религии и магии, которую образуют собственно сакральные вещи. Иначе говоря, он включает все, что *однородное* общество отвергает либо как отходы, либо как трансцендентную ему высшую ценность. «*Инородная* реальность — это реальность силы или шока. Она предстает как некий заряд, некое значение, более или менее произвольно переходящее с одного объекта на другой, — так что получается, будто изменения происходят не в мире объектов, а только в суждениях субъекта, поскольку субъект обладает поразительной возможностью перемещать возбуждающее его значение с одного элемента на другой, аналогичный или соседний» [2, 68]. Стало быть, в инородной реальности *символы*, заряженные аффективным значением, не менее важны, чем ее основополагающие элементы, и часть может обладать тем же значением, что и целое. Отсюда нетрудно заключить, что если познание *однородной* реальности должно иметь научную структуру, то структуру познания *инородной* реальности как таковой следует искать в мистическом мышлении и в образах сновидений: она идентична структуре *бессознательного*.

Всякое человеческое существо характеризуется, с одной стороны, сознательной деятельностью, а с другой — иррациональным опытом. Однако по содержанию и структуре бессознательное обнаруживает удивительные аналогии с мифологическими образами

и картинами. «Бессознательное выполняет отчасти функцию религии, ибо прежде чем сделать существование способным к созданию ценностей, религия обеспечивает его целостность» [3, 129]. Отсюда и сходство двух смыслопорождающих контекстов — сновидческого и религиозно-мистического (непредставимого без визионерских картин). О магическом синкретизме в мышлении первобытных людей и о толковании в связи с этим образов сновидений говорится также в фундаментальных трудах Э. Фромма, П. Рикера, Э. Кассирера и Л. Леви-Брюля [4–7].

Все сакральные произведения как явления культуры связаны с определенной нормой их создания, а следовательно, толкования и понимания. Деятельность, направленная на извлечение смысла этих текстов, иерархически организована. Сакральность текста не определяется каждым его элементом, будь то стилистически окрашенное слово, грамматическая категория или фразеологическая единица. Скорее, некоторые элементы, которые можно было бы назвать *маркерами сакральности*, задают *всему коммуникативному пространству текста* это качество.

Понимание природы сакральности должно способствовать и новому пониманию феномена поэтичности. По мнению Н. О. Гучинской, опирающейся на философию языка И. Г. Гамана и И. Г. Гердера, поэзия происходит из первоначального сакрально-поэтического единства: «Если <...> *поэтичность*, которую Гердер считает главным качеством Библии, считать следствием ее *сакральности*, то можно установить связь между языком, поэзией и религией, превращая толкование сакрально-поэтических текстов, то есть поэтическую *герменевтику*, в науку *лингвистическую*» [8, 58]. Несомненно также «близость религиозного мышления мышлению художественному (что отличает их как от обыденного сознания, «здорового смысла», с одной стороны, так и от научного, логического мышления — с другой)» [9, 149]. Исследователи отмечают множество общих черт в природе, организации, функциях и бытовании обоих типов текста — сакрального и поэтического: обоим типам свойственна образность, метафоричность, трансцендентность по отношению к миру привычных вещей и явлений; сакральный и поэтический текст единородны и соприродны [10, 197; 11, 131; 12, 184; 13, 96 и др.].

Существенная общность сакрального и поэтического текстов заключается в тождественной организации смыслов, а также в техниках понимания, к которым прибегает

интерпретирующий субъект. Как сакральный, так и поэтический язык (искусство в языке) противопоставляется в акте интерпретации профанному и непоэтическому языку множественностью и одновременной реализацией смыслов, хотя это изобилие и не обладает четкостью и эксплицитностью логических атрибутов и понятий. Или же, как говорит Кант, такой язык «возбуждает массу невыразимых словами ощущений и побочных представлений» [14, 333].

Положение о том, что выраженное искусством не может быть передано словами повседневного языка и потому открывает перспективу для бесконечных толкований и требует особых техник понимания, характерно и для взглядов немецких романтиков. Утверждение о непереводаемости поэзии согласуется у них с утверждением о неисчерпаемости поэтического смысла, о природе поэзии, постоянно находящейся в становлении. Ф. Шлегель старался описать оба элемента этого отношения — искусство и его содержание [15, 201, 229, 239] — и пришел к мысли, высказанной еще Оригеном и Климентом Александрийским: о сакральном можно высказываться только косвенным образом. Так, Ориген писал: «Существуют материи, значение которых не может быть надлежащим образом изложено абсолютно никаким словом человеческого языка» [16, *De Princ.*, IV, 3, 16]; Климент: «Все, кто рассуждали о божественном — и варвары, и греки, — утаивали начала вещей и сообщали истину с помощью загадок, символов, а затем аллегорий, метафор и других аналогичных приемов; так оракулы греков, и Аполлона Пифийского не зря называли “уклончивым”» [16, *Stromata*, V, 21, 4]. Подобно сакральному тексту, всякое произведение искусства есть намек на бесконечность, и символы суть «знаки непредставимых и несказуемых сущностей» [17, 41]. Соответственно, косвенный (метафорический) способ выражения не просто присутствует в поэтическом и сакральном тексте, он является их *конструктивным* (*конститутивным*) признаком.

Поскольку и поэтический, и сакральный тексты выражают «несказуемое и неисчерпаемое», их толкование в принципе бесконечно. Здесь уместно вспомнить Шеллинга, говорившего о «бесконечности бессознательности», которой живут и подлинное произведение искусства, и подлинный миф: «Каждое истинное произведение искусства как будто содержит бесконечное число замыслов, допускаемая тем самым бесконечное число толкований, и при этом никогда нельзя установить,

заключена ли эта бесконечность в самом художнике или только в произведении искусства как таковом» [18, 478]. Для А. В. Шлегеля «непоэтический взгляд на вещи — это такой взгляд, когда считается, что они упорядочиваются при их восприятии органами чувств и установлениями разума; поэтический взгляд — это такой взгляд, когда вещи постоянно истолковываются и в них видят неисчерпаемую фигуральность» [19, 129]. Итак, суть поэзии заключается во множественности смыслов. Но в том же и суть сакрального текста (для этого и нужны все приемы усмотрения и экспликации смыслов). Практическая цель герменевтического анализа — отобрать один или несколько смыслов и объявить их приоритетными.

Если вслед за В. Г. Адмони признать признак воспроизводимости высказывания существенным для всякого текста [20, 12], то тем более следует признать воспроизводимость высказывания в ряду важнейших типологических особенностей текста сакрального и поэтического: именно необходимость многократного воспроизведения (в устной и письменной речи) для сакрального текста и желанность такового для поэтического диктует им определенные структурные особенности (ритмическую организацию, повторы и синтаксический параллелизм, благозвучность и т. д.). «Текстовая точность, требуемая религией, наряду с тем что живая речь через некоторое время становится уже неадекватной языку, которым написаны религиозные тексты, вызывает у многих религий необходимость развернутого и тщательного комментирования этих текстов, их толкования. Исключительно ответственной задачей становится и их перевод на другие языки... Стремление к максимально точному воспроизведению священного текста ведет к тому, что у народов может возникнуть двуязычие» [20, 96].

Но есть и существенное различие между сакральным и поэтическим текстом: образность поэтического текста индивидуалистична и антропоцентрична, его символический ряд распадается на множество эгоцентрических символов, иерархию которых венчает лирическое «Я»; образность сакрального текста логоцентрична (= пневматоцентрична), то есть подчинена единому Символу (архетипу, образу божества, Логосу). Поэтический текст

(особенно квинтэссенция его — лирическое стихотворение) в восприятии читателя центростремителен (антропоцентричен), сакральный — центробежен (теоцентричен). В поэтическом тексте все подчинено единому (сколь угодно сложному) чувству, даже религиозное переживание опосредуется в эстетическое; в сакральном же тексте, наоборот, эстетическое подчинено духовно-религиозному и мистическому.

Литература

1. Durkheim É. *Formes élémentaires de la vie religieuse*. P., 1915.
2. Элюаде М. *Мефистофель и андрогин*. СПб., 1998.
3. Bartsch H.-W. *Kerygma and Myth*. L., 1962. Vol. II.
4. Fromm E. *The Forgotten Language: An Introduction to the Understanding of Dreams, Fairy Tales, and Myths*. N. Y.; Toronto, 1951.
5. Ricoeur P. *De l'interprétation. Essai sur Freud*. P., 1965.
6. Cassirer E. *Das mythische Denken*. München, 1973.
7. Lévy-Bruhl L. *La mentalité primitive*. P., 1984.
8. Гучинская Н. О. *Hermeneutica in nuce*. СПб., 2002.
9. Bultmann R. *Glauben und Verstehen: Gesammelte Aufsätze*. Tübingen, 1961. Bd. I.
10. Pope H. *English Versions of the Bible*. N. Y., 1952.
11. Malevez L. *The Christian Message and Myth*. L., 1958.
12. Heidegger M. *Poetry, Language, Thought*. N. Y., 1975.
13. Iser W. *Der Akt des Lesens: Theorie der ästhetischen Wirkung*. München, 1976.
14. Кант И. *Сочинения: в 6 т. / пер. Н. М. Соколова*. М., 1966. Т. 5
15. Schlegel F. *Werke: in zwei Bd. Erster Band*. Berlin; Weimar, 1980.
16. The Early Church Fathers Series in WinHelp Format: a 37-volume electronic collection of writings from the first 800 years of the Church // Programmed in WinHelp by Dr. Maged Nabih Kamel, MD. Converted to HTML Help format by Graham Ranson [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.geocities.com/Athens/7084>.
17. Augustini S. Aurelii. *De doctrina christiana* / ed. C. H. Bruder. Lipsiae, 1838.
18. Шеллинг Ф.-В.-Й. *Сочинения: в 2 т. / пер. М. И. Левиной, А. В. Михайлова*. М., 1989. Т. 2
19. Todorov T. *Theories of Symbolism*. Cambridge, 1999.
20. Адмони В. Г. *Система форм речевого высказывания*. СПб., 1994.